

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ**

Международный сборник научных статей

**Новополоцк
ПГУ
2013**

ЛИТЕРАТУРА США

A.A. Никифоров (Новополоцк, ПГУ)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПОЭЗИИ США: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

«Старая ложь: Dulce et decorum est Pro patria mori»¹ – финальные строки самого известного антивоенного стихотворения, принадлежащие Уилфреду Оуэну, убитому незадолго до окончания Первой мировой, как нельзя лучше иллюстрируют поэзию США о Второй мировой войне. Эта война была «первой войной в истории Америки, когда полное крушение иллюзий предшествовало первому выстрелу» [цит. по: 1, р. xxvi] (здесь и далее перевод наш – А. Н.). Американцы, в том числе и поэты, встретили ее «неуверенными и напуганными», «застигнутыми врасплох, изумленными и возмущенными», без патриотической бравады, но полные скепсиса.

Перед поэтами, пошедшими воевать, встала задача «приспособиться к новым условиям существования одновременно как человеческим существам и как художникам. Это не могло быть легкой задачей для них» [2, р. 7]. Противоречия и проблемы внутри США определили поэзию гражданских поэтов о войне. То, с чем столкнулось американское общество отчетливо продемонстрировано в стихотворении «Перл Харбор» [3, р. 121 – 122] Робинсона Джейфферса: «Война, которую мы так тщательно провоцировали годами / застигла нас врасплох, изумлённых и возмущённых. Наши боевые корабли расстреливают, / как сидящих уток, наши самолёты – как птенцов в гнезде, и оба наши побережья нелепо паникуют, / а наши лидеры толкают речи. Это – народ, / который надеется навязать всему земному шару / Американский мир» (The war that we have carefully for years provoked / Catches us unprepared, amazed and indignant. Our warships are shot / Like sitting ducks and our planes like nest-birds, both our coasts ridiculously panicked, / And our leaders make orations. This is the people / That hopes to impose on the whole planetary world / An American peace).

Война вторглась в судьбы многих поэтов, и им пришлось решать, как отобразить эту войну, каким языком, какие художественные средства допустимы. Пол Фассел, считает, что основная трудность заключалась в том, что «язык теперь казался обесцененным и неподходящим» для описания Второй мировой войны, так как Первая мировая война, по выражению Генри Джеймса, «исчерпала слова: они ослабли, они износились» [1, р. xxvi]. Гражданские поэты, такие как Джон Берриман, Марианна Мур, Кеннет Фиринг, Лэнгстон Хьюз, Гвендолин Брукс и другие, сформировавшиеся в 20-е – 30-е годы или ранее, пытались перенести свой литературный опыт на то, с чем они столкнулись во время войны. Творческая манера У.Х. Одена, как и многих гражданских поэтов, чувствуется в его военных стихотворениях, чему бы они ни были посвящены: беженцам или началу войны.

Иную категорию составляют военные поэты, военные в прямом смысле слова, поэты, принявшие непосредственное участие во всевозможных сражениях (война в воздухе, на суше и на море). Их творчество и рассматривается как «военная поэзия»²; стихи Ганса Юргенсена, Джона Чиарди, Говарда Немерова, Луиса Симпсона, Линкольна Кирстейна и многих других признанных писателей США, которым довелось воевать, составляют корпус батальной поэзии Америки. Особняком стоят поэты, которых нельзя называть гражданскими, поскольку они служили во время войны, и также нельзя считать «военными поэтами» в полном смысле слова, поскольку им не довелось принять участие ни в одном сражении. Но это поэты, которым принадлежат лучшие образцы поэзии о Второй мировой войне, о войне вообще. Без стихов Рандалла Джаррелла и Ричарда Эберхарта не обходится ни одна антология военной поэзии, редкий литературовед или критик, затрагивавший военную поэзию, обошел стороной «Смерть стрелка-радиста» Джаррелла и «Ярость авиа обстрела» Эберхарта.

Б. Скеннелл, определяя характер военной поэзии, резюмирует, что в отличие от гражданских поэтов, перед «военными поэтами» не стоял вопрос «поиска объективного коррелята», их «не волновали обобщения и абстракции», они не были «озабочены литературными теориями, но тем, как отобразить это на бумаге, и отобразить правильно». Достоверность – главный критерий, определяющий качество поэзии о войне. «Когда Уилфред Оуэн сделал свое знаменитое заявление: “Прежде всего, я не обеспокоен поэзией. Мой объект – война, война и сострадание, вызванное войной. Поэзия – в сострадании”, он имел в виду то, что поэту напрасно пытаться интерпретировать события; он должен просто записывать их насколько можно точнее, поскольку происходящее на войне, сами события заряжены такой напряженностью

¹ The old lie: Dulce et decorum est Pro propatria mori (Оуэн обыгрывает строку Горация, буквально «сладко и прекрасно за родину умереть»).

² Принято разграничивать «военную поэзию», написанную людьми, принимавшими участие в войне, и «поэзию о войне». В настоящем исследовании эти понятия используются как синонимы.

страха, страдания, жертвенности, что поэтическое воображение должно уступить объективному взгляду и руке ремесленника» [2, р. 219]. Следствием подобного подхода к предмету явилось то, что, по мнению Б. Гарднера, «появился новый стиль: бесстрастный, спокойный, лаконичный» [4, р. xix]. В схожем ключе определяет общий модус военной поэзии П. Фассел. «Направленность поэзии о Второй мировой войне выражала всеобщий скептицизм в отношении прежнего языка славы, жертвенности и патриотизма. Уставшие от напыщенного стиля официальных разглагольствований для поднятия боевого духа, от лукавства военной пропаганды и рекламы, поэты предпочитали высказываться уклончивой недоговоренностью, заглядывая меньше в центр темы, больше – к ее периферии, двигаясь окольными путями, выражаясь более намеками, нежели открытыми, прямолинейными заявлениями» [1, р. xxv].

Охватить все творческое наследие американской поэзии о Второй мировой всех американских поэтов в одном исследовании не представляется возможным, поэтому из обширного корпуса поэзии о войне были выбраны те произведения, которые чаще других встречаются в антологиях, признаны выдающимися образцами военной поэзии.

Круг вопросов, поднимаемых в поэзии США о Второй мировой войне, значителен. В общей антивоенной настроенности поэты обращаются к массовым уничтожениям людей (причем сострадание жертвам нацизма сочетается с виной за бомбажки немецких и японских городов), к взаимоотношениям человека и государства (личные переживания солдата как бессмысленной жертвы), отношение к фашизму (как к немецкому, так и к отечественному аналогу, отчетливо показанному в афроамериканской поэзии). Эти темы включают в себя множество иноансов, специфически американских вопросов, поднимаемых поэзией, из которых в настоящем исследовании для изучения были выбраны три направления, характерные исключительно для литературы США и тем самым определяющие ее своеобразие в контексте мировой литературы о войне. Это особенности отношения к участию США во Второй мировой войне (солдат и государство, гражданин и государство), специфика поэзии о холокoste (ее американского варианта) и афроамериканская поэзия о Второй мировой войне.

В первую очередь, была выделена тема «человек на войне», тема несколько условная, так как речь идет не просто о солдате, сражающемся с врагом, не о жителе, находящимся под гнетом оккупации. Гражданин США столкнулся с неоднозначным (поначалу) отношением собственного государства к набирающей мощь нацистской Германии, политикой невмешательства. Собственно, рядовой американец еще не был вовлечен в войну, но те ожидания, прогнозы и выводы, относительно того, чем может обернуться для мира грядущая война, были художественно осмыслены в поэзии. Начало войны в Европе, позже нападение на Перл-Харбор стали поводом для размышлений о роли Америки в мире, поводом для переосмыслиния идеалов, провозглашенных США.

Отправившиеся на войну американские поэты запечатлели состояние потерянности, которое испытывает солдат, воспринимающий свою борьбу не как борьбу за Родину-матерь, отчего государство предстает мачехой, а командование большим врагом, чем нацисты. В послевоенных стихотворениях раскрывается также то, что как государство США не вынесли уроков из Второй мировой, что наглядно подтверждается всей послевоенной историей Америки, несмотря на выразительные предупреждения поэтов.

Важным моментом для понимания психического состояния человека на войне является испытываемое чувство вины. Бомбажки городов с мирным населением, которое не вписывалось в образ врага, приводили к сильным переживаниям, попыткам оправдаться возможностью собственной гибели. В художественном осмыслении положения убивающих и убитых поэты прибегали к христианскому учению, наполняя свои произведения образностью, параллелями из Нового Завета.

Война поставила перед поэтами вопрос: как описывать то, с чем они столкнулись. Имея наследие поэзии о Первой мировой, в частности окопных поэтов, американские писатели (а многие из них стали непосредственными участниками боевых действий) понимали, что не могут пользоваться прежним языком поэзии для описания событий современной войны. С одними явлениями человек столкнулся впервые, другие явления приобрели небывалый масштаб.

Во-вторых, была выделена тема холокоста, выступившего как предмет литературы и поэзии, в частности. Холокост стал тем явлением войны, которое не коснулось американской нации непосредственно. Художественное осмысление этого феномена в американской поэзии, опосредованный отклик на массовое истребление людей в Германии и на оккупированных территориях стал одним из исследуемых вопросов, определяющих своеобразие американской поэзии о Второй мировой войне.

Так как холокост как историческое явление хронологически занимает период больший, чем Вторая мировая война, в ходе исследования привлекается широкий контекст антифашистской поэзии Европы и США как предвоенных и военных лет, так и послевоенных десятилетий. Учитывая отличный от европейских государств опыт восприятия нацистских зверств поэтами США, рассматривается своеобразие американской поэзии о холокосте, обусловленное двойным взглядом на многолетнюю трагедию. В первом случае это поэзия непосредственных участников (иммигрантов и военных поэтов), во втором – поэзия тех, кто, заочно засвидетельствовав фашистские преступления против человечества, из-за океана дал оценку

случившемуся в Европе, не забывая о ситуации в собственной стране и ее роли во Второй мировой войне. Но оба этих взгляда сводятся, в конечном счете, к единому с европейской поэзией холокосту корпусу стихотворений. Когда идет речь о европейской поэзии, поэзии жертв, мы имеем дело с поэзией холокоста, в случае с американскими авторами – это поэзия о холокосте.

Поскольку мировая поэзия холокоста значительно шире, чем осваиваемый в литературоведении США материал, настоящее исследование призвано заполнить некоторые лакуны в изучении литературы о холокосте (в частности, американской) и рассмотреть особенности военной поэзии США в контексте европейской поэзии о Второй мировой войне. Поэтому, употребляя понятие холокост применительно к поэзии США изучаемого периода, мы говорим о том широком явлении, которое эта поэзия охватывала именно в этот период. Рассматривая осмысление нацистских зверств исключительно в диахроническом ключе, можно показать многообразие тем и мотивов, которыми была наполнена американская поэзия о холокосте в военные и послевоенные годы. Изменение вектора, если угодно, сужение тематики этой поэзии – вопрос не осмысления, а переосмысления итогов Второй мировой войны в литературе начиная с 70-х гг. XX века.

В-третьих, в особое, исключительно американское литературное явление выделена афроамериканская поэзия о Второй мировой войне, точнее то направление, в русле которого эта война осмысливалась в произведениях афроамериканских поэтов. Афроамериканская поэзия о Второй мировой войне имеет под собой два источника, собственно антивоенную поэзию и поэзию протеста.

Американское общество предвоенных лет было сегрегировано. Вступление США во Вторую мировую войну добавило условий, при которых афроамериканская часть населения могла быть подвергнута дополнительной расовой дискриминации. Поэзия протеста, ставшая частью антивоенной поэзии, выражала надежду на изменения в национальном самосознании всех граждан США. Причиной тому стали успехи афроамериканских военнослужащих в боевых действиях. Антифашистская, точнее, антинацистская поэзия, расширялась до антирасистской, поскольку афроамериканцы, борясь с нацизмом, отождествляли себя с его жертвами. Афроамериканскую поэзию того времени можно назвать поэзией борьбы на два фронта: борьба с фашистами в Европе дополнялась борьбой с фашистами на родине.

Однако вопросы, поднятые в афроамериканской поэзии о Второй мировой войне, не стали исключительно предметом этнической литературы. Белые поэты-современники художественными откликами подчеркивали несостоительность демократических принципов США, распространявшихся не на всех жителей Америки. Продолжение художественного осмысления Второй мировой войны в современной афроамериканской поэзии указывает на то, что проблемы поднятые предшественниками еще долгое время не были решены.

Существует несколько возможных подходов к изучению американской поэзии о Второй мировой войне: от непосредственного анализа образности и ее специфики, обусловленной совершенно новым историческим и литературным материалом, до историко-социального подхода, по мнению И.В. Шабловской, умаляющего ценность литературы о войне. «Эмоциональное отношение к проблематике и стоящим за ней событиям противится академическому литературоведческому анализу и в определенной мере сковывает научно-теоретический подход к теме. Литература о Второй мировой войне – объект сложный и неоднозначный: порою она провоцирует критико-публицистическое к себе отношение, одностороннее, историко-социальное, рассмотрение фактов. Идеологическая определенность такой литературы... воспринималась нередко как ее единственная ценность» [5, с. 4]. Учитывая замечание Шабловской, можно заключить, что, подходя к изучению литературы о войне, необходим широкий взгляд на факты, положенные в основу произведений, что однозначные суждения (в пользу той или иной идеологии) ограничивают исследователя.

А.Г. Бочаров, говоря об изучении военной прозы, в свою очередь отмечает необъятность литературы о войне и предлагает выделять определенные темы, направления изучения для достижения необходимой глубины исследования. «Вероятно, могут существовать несколько “просек” для освоения этого континента: анализ наиболее крупных, этапных, выдержавших испытание временем произведений; выявление сложных соотношений между художественной и исторической правдой, ибо воссоздание величественного и драматического хода войны неизменно было одной из побудительных причин творчества; характер изображения всенародного патриотического подвига; художественные принципы “специфически батальной” прозы; развитие наиболее крупных тематических циклов – “партизанский эпос”, “поколение двадцатилетних”, тыл во время войны и т. д. и т. п. Все это проблемы взаимосвязанные, но каждая из них столь объемна, что ее можно рассматривать отдельно – разумеется, не изолированно от других, но все-таки определив для себя, говоря военным языком, узкую полосу наступления» [6, с. 5 – 6]. Этот же принцип изучения тем, наиболее ярко подчеркивающих своеобразие поэзии США о Второй мировой войне, но без отрыва от контекста, был избран в настоящей работе.

В исследовании используется историко-контекстуальный метод, основные положения которого излагаются в ряде работ А.А. Гутнина [7; 8, с. 5 – 22, с. 133 – 176; 9, с. 200 – 227; 10]. Данный метод

представляется самым последовательным и продуктивным подходом к изучению своеобразия американской поэзии о войне. Последовательное исследование поэзии холокоста и афроамериканской поэзии предполагает анализ изученности поэзии и прозы США о Второй мировой войне в отечественном, советском, российском и американском литературоведении. Поскольку речь идет о военной поэзии определенного периода времени, специфика изучаемых художественных текстов определяется не только литературным, но и общественно-политическим контекстом того времени. Общественное восприятие порожденных второй мировой войной явлений нашло свое отражение в литературе, и в поэзии в частности.

Поэтапное изучение поэтического отображения событий холокоста от начала преследований нацистами неугодных граждан собственного государства до осмыслиния последствий геноцида народов Европы и Советского Союза для послевоенного мира является целью исследования. При этом анализируются общие для американской и европейской поэзии холокоста образы и мотивы. Согласно этому методу определением художественной ценности и места в литературном процессе поэзии холокоста военных лет можно и нужно заниматься только на стыке двух контекстов: в контексте антифашистской поэзии Европы и СССР, рассматривая произведения и общественно-политическую ситуацию тех лет, и в контексте развития литературы о холокосте. Поступательное изучение афроамериканской поэзии о Второй мировой войне предполагает поэтапное исследование восприятия войны в свете сегрегации, борьба с которой – основной мотив афроамериканской поэзии протеста.

Актуальность подобного исследования, как и любого исследования о войне, определяется непрекращающей значимостью объекта. Злободневность изучаемого вопроса для отечественной науки обусловлена исторически.

Во-первых, злободневность изучаемого вопроса для отечественной науки обусловлена исторически. Знание литературы о Второй мировой войне другой страны расширяет перспективы взгляда на собственную историю и литературу, уточняет роль белорусского народа в Великой отечественной войне, а также место Беларуси на геополитической карте мира. То же относится и к значимости вклада белорусской литературы в наследие мировой литературы о войне.

Во-вторых, подавляющая часть литературоведческих исследований посвященных Второй мировой войне основывается на материалах прозы. Несмотря на то, что изображение войны при всем его эпическом характере лучше укладывается в такие жанры как роман, повесть, рассказ, документальная хроника, публицистика и прочие, военная поэзия не должна рассматриваться в качестве приложения к корпусу прозаической литературы о войне, что можно наблюдать во многих работах по этой теме. В работах по американской литературе о Второй мировой войне (О.Е. Оссовский, А.С. Мулярчик, А.М. Зверев и др.) в качестве предмета исследования избирают американский военный роман. Тем не менее, признавая безусловную значимость прозаической литературы по данной теме, необходимо детальное изучение немаловажного вклада поэзии для составления полного представления об американской литературе, посвященной Второй мировой войне.

В-третьих, характер военной поэзии, чьим преимуществом перед прозой является возможность немедленного художественного отклика, реакции «по горячим следам», позволяет уловить нюансы восприятия и осмыслиения того или иного феномена войны конкретным автором, передать событие и его выражение в художественном тексте предельно точно: подавляющая часть романов о Второй мировой войне стала появляться спустя некоторое время после войны.

В-четвертых, выбранные направления исследования (отражение специфического опыта США, американская поэзия о холокосте и афроамериканская поэзия о Второй мировой войне) позволяют взглянуть не только на военную сторону американской поэзии, но также продемонстрировать внутренние противоречия, характерные для общественно-политической, культурной и литературной жизни США. Западные исследователи американской поэзии о Второй мировой войне (Л. Голденсон, В. Скеннел, Д. Вон и др.) не предлагают комплексного взгляда на круг вопросов, поднятых поэтами США.

Новизна подобного исследования заключается в том, что изучение специфики и своеобразия американской поэзии о Второй мировой войне является особым ранее не проводившимся исследованием. Понимание роли, характера участия США в военных конфликтах, отношения американского гражданина, в том числе и военнослужащего, к этим конфликтам остается неполным без оценки осмыслиения этих вопросов в литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fussell, P. Introduction / P. Fussell // Articles of War. A Collection of Poetry about World War II / Ed. by Leon Stokesbury. – The University of Arkansas Press, 1990. – P. XXIII – XXIX.
2. Scannell, V. Not Without Glory. Poets of the Second World War / Vernon Scannell. – London: The Woburn Press, 1976. – 245 p.

3. Jeffers, R. Pearl Harbor / R. Jeffers // The double Axe & Other Poems. – New York: Random House, 1948. – P. 121 – 123.
4. The Terrible Rain. The War Poets 1939 – 1941 / Ed., selected and arranged by Brian Gardner. – London: Magnum Books, 1966. – P. XVII – XXV.
5. Шабловская, И.В. Проза европейских социалистических стран 60–70-х годов о Второй мировой войне. Общее и особенное :автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.В. Шабловская. – Москва, 1988. – 44 с.
6. Бочаров, А.Г. Человек и война. Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне / А.Г. Бочаров. – М.: Советский писатель, 1978. – 478 с.
7. Гутнин, А.А. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней / А.А. Гутнин. – Москва, 1997. – 224 с.
8. Гутнин, А.А. Серболужицкая литература XX века в славяно-германском контексте / А.А. Гутнин / отв. ред. В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2001. – 180 с.
9. Гутнин, А.А. Введение в анализ поэтического текста / А.А. Гутнин // Проблемы истории литературы: Сб. статей. Вып. 17 / Науч. центр славяно-германских исслед.; отв. ред. А.А. Гутнин. – М.; Новополоцк: 2003. – С. 200 – 227.
10. Гутнин, А.А. Основные этапы развития серболужицкой литературы в славяно-германском контексте. Научный доклад на соискание степени доктора филологических наук / А.А. Гутнин. – М., 1998. – 77 с.

E.В. Большакова (Новополоцк, ПГУ)

ДЖОН СТЕЙНБЕК: МЕЧТАТЕЛИ В МИРЕ ОДИНОЧЕСТВА (по повести «О мышах и людях»)

Изначально Джон Стейнбек задумывал повесть «О мышах и людях» (1937) как исследование того, «о чем мечтает каждый человек» [1, с. 61. – Здесь и далее при отсутствии ссылки на русское издание переведено наш. – Е.Б.]. И в самом деле, в произведении представлена настоящая смесь из совершенно разных людей, каждый из которых мечтает или, по крайней мере, пытается мечтать в период, когда любая мечта находилась под запретом, а человек был всего лишь орудием в руках другого человека. Причина, по которой этим мечтам не суждено сбыться, частично раскрывается самим автором в его романе «И проиграли бой»: «*It seems to me that man has engaged in a blind and fearful struggle out of a past he can't remember, into a future he can't foresee, nor understand. And man has met and defeated every obstacle, every enemy, except one. He cannot win over himself*»¹ [2, p. 45]. Романы Джона Стейнбека проникнуты обреченностью и пессимизмом. Многое в мире происходит в соответствии с законом джунглей: выживает сильнейший, он же становится обладателем заветной мечты. Стейнбек, напротив, в своих работах делает акцент на слабейшего, который становится жертвой мечты других людей. Книга «О мышах и людях» это книга об Американской Мечте, которая является живым мифом современности, мечтой, которая должна осуществиться, если только в нее верить. Герои повести – это люди, которые свято верят в этот миф, приобретающий самые разнообразные формы в их умах. В частности, автор выделяет 5 персонажей, каждый из которых лелеет свою мечту.

Герои повести Ленни и Джордж мечтают об одном: обзавестись небольшим уютным домиком, но в то же время каждый из них имеет свою сокровенную мечту. Ленни мечтает разводить разноцветных кроликов, а Джордж мечтает освободиться от Ленни: «*God a'mighty, if I was alone I could live so easy. I could get a job an' work, an' no trouble*»² [3, p. 11]. Но мечта Джорджа не настоящая, потому что, по сути, они с Ленни неотделимы друг от друга, «*they can be seen as two parts of a single being <...>*»³ [4, p. 78]. Они не могут существовать порознь, потому что, как говорит Ленни: «*I got you to look after me, and you got me to look after you*»⁴ [3, p. 14].

Еще одна вечная проблема человечества, которая находит свое отражение в повести – проблема одиночества, от которого страшно страдает каждый ее герой. Единственные, кому повезло несколько больше – это Ленни и Джордж, все-таки они путешествуют вместе. Болезненное одиночество, одиноче-

¹ Мне иной раз кажется, человек занят страшной яростной борьбой, которая тянется из забытого прошлого в неведомое и непонятное будущее. И человек упрямо преодолевает все препятствия, побеждает всех врагов, кроме одного – Он не в силах победить себя [5, с. 339]. (Здесь и далее перевод взят из издания Стейнбек Д. Собрание сочинений Текст.: в 6 т. Т. 2. Квартал Тортилья-Флэт: повесть; И проиграли бой: роман; О мышах и людях: повесть; Рыжий пони: сборник рассказов / Д. Стейнбек; перевод с англ. М.: Правда, 1989).

² О господи! Я бы горя не знал, ежели б ты не висел у меня на шее. Как бы мне хорошо жилось [5, с. 411].

³ ...они две части единого целого.

⁴ ...потому что ты присматриваешь за мной, а я присматриваю за тобой [5, с. 416].